

Воздушная зачистка

Глава третья

Афганистан. Май 1982 года

Смысл услышанного еще на пути к сознанию, а руки-ноги машинально совершают давно заученные движения. Не дожидаясь команды, несусь к ущелью – и так ясно, что нужна помощь поисково-спасательной группы. Резко снижаюсь. Проваливаюсь в каменную щель. Пытаюсь визуально определить, где упала «восьмерка».

Замечаем столб черного дыма и в пылу проскакиваем над злосчастливым аулом. «Духи» молчат. Вероятно, не ожидали такой наглости.

Все, аул позади. Видим под собой обломки «вертушки», которые жадно долизывает огонь.

«Кто?! Чей борт?»

Некогда разбираться и анализировать – нужно выполнять посадку. А высота слишком большая. Скорее вниз!

Боковым зрением вижу, как мой ведомый мостится рядом. Какого хрена?!

Зачем?! Ведь его обязанность прикрывать сверху!

Ладно, потом ситуацию обсудим – за вечерним «чайком». Сейчас нет времени – кто-то бежит к вертолету.

Пригляделся... Окровавленный Петька Погалов – правый летчик Саши Садохина. Тащит на себе кого-то. Как неживую полураздетую куклу – в куртке, носках и перчатках.

Бортач помогает раненым забраться внутрь грузовой кабины.

– Сашка сгорел! Сашка сгорел!.. – глухо бормочет Погалов.

Смысл этих фраз доходит не сразу. «Господи!» – изумленно смотрю я на товарищей. Полураздетая кукла – это техник Гулин. Вместо одежды – обгоревшие лоскуты; уцелела шевретовая куртка, вероятно, спасшая ему жизнь. А «перчатки с носками» – облезшая от ожогов кожа рук и ног.

Парни здорово обгорели и дорога каждая минута. Надо срочно переправлять их в госпиталь. Взлетаю. Поравнялся с Рухой. Пока тихо...

И вдруг правак – Боря Шевченко, орет:

– Дэшка! Дэшка!..

С окраины аула прямо на нас смотрит ствол духовской «зэушки». Рядом копошатся люди. Мы как на ладони. Скорость – «сто», высота – «сто».

Идеальная мишень!

Инстинктивно разворачиваю машину, прикрываясь хвостом. Ручка управления мечется от «борта до борта». Сзади по корпусу удары – будто кто-то херачит кувалдой. И при этом со злой ухмылочкой приговаривает: «Ну что, парниша – долетался?..»

До сего дня приходилось слышать выражение «смерть в затылок холодком дыхнула», но думал: так, красивая фраза из литературы. И только в этот момент почувал ледяной холод, побежавший от загривка к пояснице. Словно, кто-то и впрямь морозным воздухом дохнул.

Всю свою короткую жизнь за пару секунд вспомнил. Промелькнула перед глазами в мельчайших деталях. В «покадровом режиме»...

Как вырвались из огненного мешка – не знаю. Неосознанно, на инстинкте. Но вырвались.

В себя пришли на приличной высоте. Осмотрелись. Вроде, все в норме: движки гудят, основные системы и приборы целы. Оглядываюсь в грузовую кабину. Выходя из зоны обстрела, наш вертолет выделял такую акробатику, что невольно мучает вопрос: все ли нормально с пассажирами?

С пола поднимается Петька Погалов, машет ослабевшей рукой. Живы, мол, все нормально...

Понятно. Значит, смысл лететь в госпиталь не пропал. И тут вспоминаю про ведомого. Остервенело вертим головами. Бесплезно – ведомого на месте нет. Запрашиваю по радио:

– «Двадцать шестой»! «Двадцать шестой»!..

Молчит. Меня аж током прошибло: «Сбили Юрку! Сбили моего Наумчика!» А кругом «вертушки» снуют. «Двадцатьчетверки», «восьмерки»... Кто именно – не разберешь. Одни – в ущелье, другие возвращаются. Ору в эфир открытым текстом:

– Парни, ищите «двадцать шестого»!

А сам на точку – раненных на базу доставить. На душе беспокойно, – аж выть хочется...

Дошел до Баграма, сел. Вдруг смотрю: на стоянку мой «двадцать шестой» заруливает. Я в сердцах дергаю стоп-краны и, не дожидаясь остановки винтов, к нему – морду бить за выкрутасы!

– Что ж ты, гад, делаешь?! – подлетаю к сдвинутому блистеру. – Я из-за тебя всю авиацию в районе высадки на уши поставил!

И замолкаю, не закончив гневной тирады. Юрка трясет головой в тяжелом бронированном шлеме и показывает на фюзеляж машины. На «восьмерке» ведомого места живого нет – все бока в пробоинах. Дыры в кулак. Пятна красной окалины; из дыр провода перебитые торчат, масло с керосином хлещет... Как аппарат в таком состоянии добрал до родного стоила – загадка.

– Извини, командир, плохо слышу после обстрела, – бормочет мой милый Наумчик. И, запинаясь, рассказывает о злоключениях...

В общем, весь тот свинец, что полагалось поровну поделить в ущелье на два наших вертолета, заполучил один Юркин. Заполучил по полной программе. Над Рухой, когда я целехоньким прошмыгнул, его изрешетили. И рядом со мной он фактически на вынужденную мостился, а не любопытства ради. Рация с навигацией разбита, один из двигателей поврежден, топливо поступало самотеком. Да... а я на него чуть не с кулаками!..

Отходим от израненных машин и нервно закуриваем. Пытаемся разобраться в ситуации, и скоро становится ясно, что на островке лежит еще один вертолет – его успел заметить Юрка.

* * *

Даже отдышаться толком не дали – через десять минут команда с КП: сменить борта на исправные и возвращаться в ущелье. Требовалось эвакуировать высаженных у обломков вертолета Садохина спасателей, затем подсесть ко

второй «вертушке» и забрать тело Грудинкина. Последнюю надежду на то, что кто-то из его экипажа выжил, рассеял звонивший с КП офицер. Помолчав в трубку, я тихо поинтересовался, на чем лететь.

Ответ был прост как автомат Калашникова:

– Берите любые вертолеты, которые видите на аэродроме...

Подбегаем к двум новеньким расчехленным Ми-8МТ; рядом важным павлином вышагивает техник. Объясняем поставленную задачу. Бортач, словно избалованный таксист на привокзальной площади, цедит куда-то в сторону:

– Мы под советников стоим...

Вряд ли вспомню, что я ему тогда выдал. Только через три минуты мы уже были в воздухе. Курс на ущелье...

Проскакиваем к Руху другим маршрутом – по руслу реки. Оставляю Наумчика сверху, сам ныряю вниз, подсаживаюсь к месту гибели Садохина. И удивляюсь перемене: к зафиксированному сознанием ландшафту добавился остов сгоревшего пикапа.

Спецназовцы успели достать Сашку; завернутое в брезент тело погрузили в кабину. Развернувшись в кресле, молча смотрю на останки. Знакомая поза боксера; трагический черно-красный цвет плоти; нимб курчавых волос. И молния летной куртки, навечно впаянная в мясо... В общем-то и не тело, а некий предмет, который недавно был Санькой. Нашим замполитом Санькой. Почему-то вспомнилась картинка, как прошлой ночью он во сне свешивал с кровати ногу. Будто собирался куда-то идти. Собирался, но не пошел...